Анастасия Говорова

Девушка из мира без магии

Анастасия Говорова

Девушка из мира без магии

https://litres.ru/74708774
SelfPub; 2026

Аннотация

Раньше я бы только покрутила пальцем у виска, если бы мне сказали, что магия существует. Я была самым приземленным человеком на свете, пока однажды не оказалась по ту сторону реальности. Другой мир, другие законы, другая жизнь. Там я встретила его — Дракона. И кто бы мог подумать, что именно в него я влюблюсь? Иногда реальность оказывается куда фантастичнее любых книг.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 17
Глава 3 39
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Анастасия Говорова
Девушка из мира без магии

Глава 1

Ботинки она узнала ещё в прихожей.

Белые Nike с синим лого — такие же, как у неё самой, только на два размера больше. Анна три секунды смотрела на них, стоя на пороге с ключами в руке. Потом перевела взгляд на крючок: Эммина куртка, оливковая, с оторванной пуговицей на правом кармане, которую та всё собиралась пришить.

Ключи вошли в замок бесшумно. Анна закрыла дверь за собой.

В коридоре горел свет на кухне — тот, что над плитой, не основной. Они всегда так оставляли, когда кто-то ещё не вернулся домой. Привычка.

Анна сняла куртку и повесила её на крючок рядом с Эмминой. Поставила сумку. Разулась. Сделала это методично, по порядку, как делала каждый вечер — потому что пока руки были заняты, можно было не думать о том, что происходит за закрытой дверью комнаты.

Дверь была не закрыта. Чуть приоткрыта.

Анна прошла по коридору. Толкнула её.

Диван. Плед, сдвинутый набок — не упавший, а именно сдвинутый, будто его отодвигали второпях. Два бокала на столике, один с отпечатком губной помады — бежевого оттенка, который Анна дарила Эмме на день рождения. Стул у окна, тот, что Анна считала своим, — с Эмминой курткой на спинке. Нет, не курткой — кардиганом. Серым, мягким, который Анна видела на Эмме в пятницу.

Николай стоял у окна. Эмма сидела на диване, держа бокал обеими руками — не потому что холодно, а потому что нужно было куда-то деть руки.

Никто не двигался.

Анна стояла в дверях и смотрела. Не на Николая, не на Эмму — на детали. На плед. На бокалы. На кардиган на спинке её стула. Голова работала странно: методично фиксировала всё это, как будто составляла опись чужого имущества.

Эмма была в майке. Николай — в футболке, которую Анна видела на нём утром.

— Аня, — сказал Николай.

Не «я объясню» и не «это не то, что ты думаешь». Просто её имя. Голос ровный — и это было хуже, чем испуг, потому что означало: он успел что-то придумать.

Эмма не сказала ничего. Опустила взгляд в бокал.

Анна смотрела ещё секунду. Две. Может, три.

За три секунды она успела понять следующее: она не плачет — и не заплачет, по крайней мере сейчас. Она не кричит

— потому что что-то внутри переключилось в режим, при котором крик невозможен. Не потому что она сдерживается. Просто потому что горло стало узким и холодным, и через такое горло можно только дышать.

Николай сделал шаг от окна.

— Подожди. Дай мне—

Анна развернулась.

Она прошла по коридору обратно к вешалке, сняла куртку с крючка и надела её. Застегнула все пуговицы — сверху вниз, по одной. Взяла сумку. Нащупала ключи в кармане — ключи от работы, от почтового ящика, от этой квартиры.

За спиной шаги. Николай вышел в коридор.

— Аня, послушай—

Она взялась за ручку двери.

— Это сложнее, чем—

Дверь открылась. Анна вышла на площадку.

Дверь закрылась.

Не хлопнула — просто встала на место с тихим щелчком замка. Анна даже не проверила, закрылась ли. Просто пошла к лестнице, потому что лифт — это четыре стены и своё отражение в зеркале, а этого ей сейчас не нужно было.

На третьем этаже из-под чьей-то двери пахло едой — чесноком и чем-то жареным. На первом — сыростью и кошачьим лотком. Обычный подъезд обычного дома. Анна считала ступени, не зная зачем.

На улице было холодно. Она этого почти не почувствова-

ла.

Телефон в кармане завибрировал — раз, потом ещё раз. Она не достала его.

Пошла вперёд.

* * *

Она шла.

Не в сторону метро, не к Маше с Четвёртой Советской, не к ночному кафе на Литейном, где ей налили бы чай и не задали бы вопросов. Просто шла — вперёд, потому что «вперёд» требует меньше решений, чем любое другое направление.

Витрина ювелирного отражала её мельком: куртка, сумка, лицо. Лицо как лицо. Ничего особенного.

Дальше — припаркованные машины в ряд, одна с разбитым боковым зеркалом, примотанным скотчем. Потом круглосуточный магазин с жёлтым светом — таким жёлтым, что асфальт под вывеской казался болезненно-оранжевым. В витрине стояли пирамиды из консервных банок и картонная ёлка, хотя до декабря оставался ещё месяц. Кто-то внутри двигался за кассой. Анна не остановилась.

Телефон снова завибрировал. Она не достала.

Странно, что не хотелось плакать. Она ждала этого — где-то на периферии, как ждут боли от укола: вот сейчас, вот сейчас — но игла прошла, а боль не пришла. Осталось только что-то странное и плоское, как будто внутри выключили какой-то прибор. Не с треском, не с хлопком — просто щёлк-

нул выключатель, и стало тихо.

Она думала, что будет злость. Злость казалась ей правильным ответом — что-то горячее, что можно было бы потратить на слова или хотя бы на то, чтобы громко захлопнуть дверь. Но дверь она закрыла тихо. И злости не было. Была только эта пустота — аккуратная, как убранная комната.

Она свернула на узкую улицу между домами.

Здесь пахло асфальтом после дождя — не неприятно, скорее как запах чего-то конкретного и настоящего, и Анна почти обрадовалась этому. Запах имел смысл: был дождь, асфальт намок, теперь пахнет. Причина и следствие. Понятно.

Откуда-то издалека донёсся трамвай — не громко, почти на грани слышимости, только рельсовый скрежет на повороте. Потом стихло. Из окна на третьем этаже — открытого, несмотря на холод — летел смех, несколько голосов сразу, и звук чужого праздника был таким случайным и таким обычным, что Анна остановилась на секунду и просто послушала, пока смех не угас.

Она вышла к набережной.

Воды почти не было видно — только тёмная полоса между фонарями на мосту и отражёнными в ней огнями. Скамейки пустые. Листья на земле, мокрые, прилипшие к плитке. Анна дошла до парапета и остановилась. Облокотилась — камень был холодным даже через рукав куртки.

Она достала телефон.

02:06.

Экран светился. Два пропущенных — Николай. Один — незнакомый номер, что странно для такого времени. Она смотрела на экран дольше, чем нужно, потом убрала телефон обратно.

Звонить было некому.

Не в смысле «некому пожаловаться» — она не особенно умела жаловаться. В смысле буквальном: она перебрала список и поняла, что он короче, чем казался раньше. Маша выслушает, но Маша дружила с ними обоими, и звонок в два ночи с такой новостью — это выбор, который за Машу делать не стоило. Коллеги — нет. Родителей-нет.

Эмма была бы первой, кому она позвонила.

Анна медленно выдохнула.

Вот оно.

Она как-то думала об этом неправильно, пока шла. Думала — Николай. Думала — два года, квартира, совместные планы, которые теперь придётся аккуратно разобрать по деталям и выяснить, что из них было её, а что нет. Это было большим, это было больным, но это было хотя бы понятным — бывший парень, предательство, конец. У этого была форма.

Эмма не имела формы.

Эмма — это тот человек который знал, как Анна пьёт кофе, и помнил про аллергию на арахис, и три года назад сидела в больнице четыре часа, пока Анне зашивали бровь после дурацкого падения, и читала ей вслух какой-то глупый

журнал, чтобы она не смотрела на инструменты. Эмма — это кто звонил просто так, в среду, в обеденный перерыв, чтобы сказать что-то незначительное и услышать голос.

Анна смотрела на тёмную воду.

Значит, вот как это устроено. Можно знать человека три года. Можно думать, что знаешь. Можно хранить её любимую помаду в ящике ванной потому что она иногда забывает свою, можно делить такси и зонтики и плохие фильмы — и при этом ничего не знать. Совсем.

Или знать и всё равно.

Второе было хуже.

Анна отвернулась от воды и прислонилась спиной к парапету. Холод камня теперь шёл через куртку — медленно, равномерно, как что-то терпеливое.

Круг схлопнулся. Это был единственный точный способ описать произошедшее. Не «доверие подорвано», не «я разочарована» — просто: было пространство, в котором можно было быть честной и уязвимой, и сейчас это пространство перестало существовать. Не сжалось — именно схлопнулось, как схлопывается вакуум, не оставляя следов.

Она стояла посреди чужого города в два часа ночи, и ей не к кому было идти — не потому что она одинока, а потому что те двое, к которым она пошла бы, оказались не теми, кем она думала.

Телефон молчал.

Анна смотрела на фонарь над мостом — как он дрожит в

воде отражением, вытянутым и нестабильным — и думала о том, что надо бы принять какое-то решение. Куда-то пойти. Что-то сделать с этой ночью.

Но решение не приходило. И она просто стояла.

* * *

Скамейка нашлась у сквера — деревянная, со спинкой, покрашенная когда-то зелёным, а теперь просто серая в темноте. Анна села. Вернее, позволила себе сесть — это было другое, потому что до этого момента она себе не позволяла, шла и шла, как будто движение само по себе что-то решало.

Ноги отзывались тупой благодарностью.

Она сидела и смотрела перед собой — на фонарь, на пустую аллею, на кота, который неспешно перешёл дорогу метрах в тридцати и исчез между машинами, — и ни о чём конкретном не думала. Вернее, думала, но как-то поверх всего, не касаясь, как читаешь слова, не понимая смысла.

Надо куда-то идти.

Мысль была правильная и совершенно бесполезная.

Анна сунула руку в карман куртки. Телефон — есть. Кошелёк — есть, карточка, и несколько сотен наличными, она всегда носила немного наличными, это была привычка, оставшаяся после истории с заблокированным банкоматом в один особенно неудачный понедельник. Ключи — есть. Три штуки: от офиса, от почтового ящика, и от квартиры.

Последний она нашла на ощупь — он был с синей резиновой накладкой, они купили эти накладки вместе с Николаем,

чтобы не путать ключи в связке, потому что у них тогда был один ключ на двоих, — и подержала секунду, а потом убрала руку из кармана.

Итого: телефон, кошелёк, ключи.

Идти было некуда.

Это не было драмой — просто арифметика. К Маше — Маша знала их обоих, и это не Машина вина, и звонить ей с таким значило делать выбор за неё. Коллеги — нет.

Эмма была бы первой.

Анна прикрыла глаза на секунду.

Была бы.

Гостиница. Мысль возникла как-то сбоку, деловитая, почти разумная. Вот, гостиница. Переночевать где-нибудь, утром забрать вещи, пока Николай на работе, — нет, он работает из дома по средам, значит, надо договориться как-то, или прийти, когда его нет, или попросить Машу, если Маша согласится, или просто прийти и молча взять своё и уйти, потому что она имеет на это право, это её вещи.

Но сначала — гостиница.

Она открыла телефон. Два часа ночи, двадцать пять минут. Батарея шестьдесят процентов. Приложение с картами открылось само — видимо, она его не закрыла раньше — и показало ближайшие варианты. Семь тысяч за ночь. Одиннадцать тысяч. Четыре семьсот, но судя по фотографиям, это был скорее вопрос, а не ответ.

Анна закрыла приложение.

Не то чтобы денег не было — просто это требовало от неё чего-то. Зайти, объяснить, заполнить. Улыбнуться портье или хотя бы сделать лицо человека, у которого всё в порядке и просто командировка. Она смотрела на чёрный экран телефона и понимала, что у неё сейчас нет на это ни одной лишней единицы чего бы то ни было.

Она убрала телефон.

Кот вернулся — или другой кот, отсюда не разобрать — и сел под соседним фонарём, аккуратно поджав хвост, и смотрел в пространство с видом существа, у которого нет никаких проблем.

— Повезло тебе, — сказала Анна.

Кот не ответил. Это было правильно.

Она встала.

Не потому что придумала, куда идти. Просто сидеть становилось хуже, чем идти, — скамейка давала ощущение остановленности, а остановленность давала пространство для мыслей, которым она пока не хотела давать пространство. Пока двигаешься, они остаются сзади. Не исчезают, но отстают.

Аллея вела никуда конкретно — к следующей улице, к перекрёстку, к ещё одному кварталу спящих фасадов. Анна шла по ней медленно, не потому что хотела медленно, а потому что ноги сами задавали этот темп теперь. В кроссовках было холодно — она не взяла тёплые, выходила в спешке, выходила уйти, не выходила гулять.

Асфальт был мокрый там, где его задела подъехавшая к тротуару машина, и отражал фонари длинными оранжевыми полосами.

Анна смотрела под ноги.

Она думала — или то, что сейчас происходило в голове, называлось думать — о том, что в понедельник надо на работу. Это была странная мысль для двух часов ночи, но она держалась за неё, потому что понедельник был конкретным. В понедельник надо на работу, значит, надо поспать, значит, всё это — квартира, вещи, разговор — можно сделать в выходные, не сейчас, сейчас это невозможно, а в выходные — можно. Это было расписание. Расписание давало форму.

Форма помогала.

Ненадолго, но помогала.

Где-то за домами прошёл поезд — глухой далёкий звук, потом тишина. Ночной город дышал иначе, чем дневной: медленнее, равномернее, как что-то, отпустившее напряжение. Анна слышала собственные шаги и больше почти ничего.

Мысли становились короче.

Она это замечала — как они теряют хвосты, как перестают разворачиваться в следствия и выводы, как остаётся только ближайший шаг. Вот следующая плитка. Вот трещина в асфальте. Вот ещё один фонарь, и за ним тень от дерева, и дерево уже без листьев, только ветки, чёрные на фоне светлого неба — не совсем чёрного, никогда не бывает совсем

чёрного в городе.

Усталость была не в ногах теперь — везде. В плечах, за глазами, в каком-то месте за грудиной, которое она не умела называть точно.

Анна шла.

Ничего не решалось и ничего не требовалось решать. Это тоже было странное облегчение — не хорошее, но честное. В эту ночь невозможно было ничего исправить, и потому от неё ничего не требовалось. Просто идти до утра, если надо. Или найти скамейку теплее. Или придумать что-нибудь позже.

Улица изогнулась, уводя в сторону от реки, и Анна свернула — просто потому что так было, просто потому что ноги шли туда, куда вёл тротуар.

Мир плыл чуть-чуть. Совсем немного — не головокружение, просто размытость по краям, как когда долго смотришь в одну точку и периферия теряет фокус. Она знала, что это усталость. Она знала, что ей надо поспать.

Она продолжала идти.

* * *

Сначала она решила, что дело в усталости.

Воздух изменился — не резко, не вдруг, а так, как меняется давление перед грозой: постепенно, почти незаметно, пока не понимаешь, что уши заложило и дышать стало чуть труднее. Она шла вдоль воды, и река была где-то справа, и фонари давно кончились, и это всё объясняло очень многое

— и лёгкое головокружение, и то, что периферийное зрение как будто поплыло, размазало края темноты во что-то нечёткое.

Три секунды.

Может, пять.

Она не успела даже остановиться — просто что-то случилось с пространством вокруг неё, как будто оно схлопнулось, забрало с собой звук реки, запах воды, далёкий гул шоссе, всё — и наступила темнота, которая была не темнотой отсутствия света, а темнотой отсутствия всего вообще.

Ни холода. Ни тепла. Ни звука. Ни ощущения собственного тела.

Секунда — или час, она не могла бы сказать — абсолютного, полного ничто.

А потом земля.

Глава 2

Она лежала на земле.

Это было первым фактом. Не мыслью, не испугом — просто фактом, который мозг зафиксировал раньше всего остального: твёрдая поверхность под лопатками, влажная трава под ладонями, небо над головой. Трава была неправильная — слишком плотная, слишком короткая, стебли как проволока. Она машинально сжала пальцы, и та не сломалась, только упруго подалась.

Анна смотрела в небо.

Звёзды. Много звёзд — больше, чем она привыкла видеть над городом, много больше, чем она видела даже за городом в ту единственную поездку на дачу к Эмме два года назад. Но дело было не в количестве. Дело было в том, что они стояли не там. Она не могла объяснить это точнее — просто глаз цеплялся за небо и не находил ничего знакомого, ни одного созвездия, ни одной конфигурации, которую можно было бы назвать. Большая Медведица отсутствовала. Полярная звезда — тоже. Вместо них — что-то другое, очень яркое, слегка синеватое, низко над горизонтом, и россыпь мелких огней справа от него, слишком плотная, почти туманность.

Она лежала и смотрела.

Пахло сырой землёй и чем-то смоляным — хвоей, может быть, только не совсем хвоей. Что-то горьковатое в конце.

Она дышала носом, медленно, и пыталась придумать слово для этого запаха, но слова не находилось.

Потом она встала.

Не потому что придумала план. Просто потому что лежать на земле было глупо.

Сумка была на плече — она проверила машинально, ещё на подъёме. Ощутила привычную тяжесть: зарядник, блокнот, косметичка, в которой уже три месяца лежали только таблетки от головной боли и пара резинок. Всё было там. Она провела рукой по кармашку джинсов — телефон на месте.

Достала его.

Экран загорелся, и она почти почувствовала что-то похожее на облегчение — просто от знакомого прямоугольника света в темноте. Два часа двадцать пять минут. Шестьдесят процентов заряда. Значок сигнала — пустой.

Она открыла карты.

Нет подключения к интернету.

Закрыла. Открыла снова — просто на случай, если первый раз не считается.

Нет подключения к интернету.

Она убрала телефон.

Это объяснялось. Глушь. Мало вышек. Она где-то за городом, по какой-то причине, которую пока не может вспомнить — стресс, слишком много выпила, хотя она не пила, совсем, она точно помнила, что не пила, она вышла из той квартиры и пошла вдоль реки, и потом — пробел. Тёмный

пятиминутный пробел, после которого она обнаружила себя на земле под незнакомым небом.

Обморок. Она потеряла сознание и каким-то образом оказалась за городом. Это был единственный вариант, в который мозг согласился поверить, и мозг держался за него обеими руками, хотя в версии было несколько очевидных проблем. Главная — расстояние. Она не могла никуда уйти за те минуты, которые выпали из памяти. Физически не могла.

Но мозг всё равно держался.

Она огляделась.

Поляна — небольшая, неправильной формы, с одной стороны вдавленная, как будто деревья там росли теснее. Лес вокруг — тёмный, очень тёмный, без просветов, и деревья в нём были незнакомые. Она не умела различать породы, никогда не умела, но эти выглядели неправильно: кора слишком светлая, почти белая, а листья — крупные, не той формы, что должны быть у берёзы. Не берёза. Не тополь. Просто — дерево, которому у неё не было названия.

Тишина была абсолютная.

Это она заметила не сразу, а только когда остановилась и специально прислушалась. Никакого городского фона. Никакого гула трасс — который слышен всегда, даже ночью, даже в парке, даже когда кажется, что тихо. Никаких самолётов. Никакой далёкой музыки из чужих окон. Только лес — и лес молчал тоже, без сверчков, без шороха, без ветра в листьях.

Слишком тихо.

Анна стояла посреди поляны, смотрела на незнакомые деревья под незнакомым небом, и мозг продолжал исправно предлагать версии. Глушь. Нестандартные породы — она же не ботаник. Просто другое созвездие, просто смотришь не с той стороны, просто — ну, в конце концов, она никогда особенно не разбиралась в звёздах.

Просто. Просто. Просто.

Слово было жидким, не держало формы.

Она застегнула верхнюю пуговицу куртки, которую уже расстегнула зачем-то раньше. Руки были холодными. Это был факт — конкретный, телесный, полезный: руки холодные, значит, нужно двигаться. Нужно найти дорогу. Нужно выйти к людям и разобраться, где она находится.

Она уже сделала шаг в сторону ближайшего просвета между деревьями, когда услышала звук.

Не шаги.

Что-то другое — тяжелее, шире, что-то, что двигало воздух перед собой. Как будто что-то очень большое резало темноту, и темнота расступалась. Она не успела понять, что именно слышит — только почувствовала, как что-то изменилось в давлении воздуха над головой, что-то прошло там, между ней и звёздами, и на секунду неправильное небо стало ещё более неправильным.

Она обернулась.

На краю поляны, там, где деревья расступались, стоял си-

луэт. Тёмный — на фоне чуть более светлого неба — очень большой, с очертаниями, которые не укладывались ни в одну категорию из тех, что у неё были. Что-то складывалось у него за спиной, медленно, с тихим кожистым шорохом, как парус, которые убирают на зиму.

Крылья. Она поняла это не разумом, а чем-то раньше разума.

Это были крылья.

Анна не двигалась. Руки перестали мёрзнуть — просто потому, что она забыла о руках. Мозг наконец перестал предлагать версии, просто — встал, как заглохший двигатель, и несколько секунд не делал ничего.

Потом она медленно вдохнула.

Воздух был холодный, чистый и совершенно реальный. Трава под подошвами — жёсткая и влажная. Сердце делало удар, ещё один, ровно, только быстро.

Никаких версий.

Она смотрела на силуэт. Силуэт — большой, неправильный, со сложенными крыльями — смотрел на неё.

* * *

Он не двигался.

Это было первое, что она отметила, когда мозг снова заработал — неподвижность. Городской человек на краю незнакомого леса ночью не стоит так. Он оглядывается, переступает с ноги на ногу, достаёт телефон. Этот — стоял, как стоят люди, у которых нет привычки нервничать. Как стоят те,

кто привык, что пространство вокруг принадлежит им.

Крылья сложились полностью. Силуэт стал почти человеческим — почти, потому что что-то в пропорциях не укладывалось: чуть выше, чуть прямее, чуть слишком неподвижно.

Анна сделала вдох.

Её мозг был прагматичной машиной. Он не занимался паникой, когда была доступна последовательность действий. Последовательность была простая: понять, где она, понять, кто это, понять, что делать дальше. Паника — потом, когда будет время.

Она шагнула вперёд.

— Где я нахожусь, — сказала она. Не вопрос — техническое требование.

Пауза была короткой. Он чуть наклонил голову, как будто уточнял угол обзора.

— Эйдар, — сказал он. — Восточная граница моих земель.

Голос был ровный, без интонации объяснения незнакомцу. Голос человека, перечисляющего координаты.

— Эйдар, — повторила она. — Это название города?

— Континента.

Ещё один шаг. Теперь она видела лицо — нормальное лицо, ничего из того, чего она, по всей видимости, ожидала после крыльев. Тёмные глаза, резкие черты, возраст не читается. Смотрел на неё без настороженности, без любопытства в

том смысле, в котором любопытство бывает добродушным. Скорее — как смотрят на задачу, которую уже начали решать.

— Кто вы, — сказала она.

— Николас. — Пауза была настолько короткой, что она едва успела принять имя. — Глава Драконьего совета.

Он произнёс это так, будто добавлял очевидное — как почтовый индекс после адреса.

Анна ждала, пока в ней что-нибудь отреагирует на «Глава Драконьего совета». Ничего не отреагировало. Слова были, значение их в какой-то степени было понятно, но смысловой вес не возникал — как когда читаешь название незнакомой страны в чужом учебнике географии.

— Совета, — сказала она наконец.

— Совета.

Он смотрел на неё. В этом взгляде было что-то, что она не сразу опознала — потом поняла: он зафиксировал её реакцию. Или её отсутствие.

— Эйдар — это не на Земле, — сказала она. Это был не вопрос. Это была попытка озвучить вслух то, что уже сформулировалось внутри, — чтобы посмотреть, как это звучит снаружи, насколько это абсурдно.

Звучало абсурдно.

— Нет, — подтвердил Николас.

Пальцы на лямке рюкзака сжались — она почувствовала это только сейчас, как будто тело давно уже приняло реше-

ние держаться за что-нибудь твёрдое, не доложив об этом голове.

— Объясните мне про «другой мир», — сказала она. Голос был ровный. Хороший голос. — Подробнее.

— Подробнее — значит дольше, а дольше — значит стоять здесь.

— Я не тороплюсь.

Она ждала. Он смотрел на неё ещё секунду — оценивал, поняла она, не саму её, а её намерение, — и кивнул почти неощутимо, как принимают условия.

— Межмировые переходы случаются. Редко — настолько редко, что большинство их считает легендой. Ваш случай нетипичен: переходы, как правило, не случайны. У вас нет магии, нет артефакта, нет договора. Поэтому я не могу сказать вам механизм. Я не знаю механизма.

Анна слушала. За его словами не было никакой риторики — ни попытки убедить, ни тональности человека, излагающего сказку. Информация. Просто информация, сухо и по порядку. Это было, как ни странно, хуже, чем если бы он говорил с интонацией.

Она разжала пальцы на лямке.

— Это звучит как бред, — сказала она.

— Да, — согласился он без паузы.

Она не ожидала согласия. Пауза возникла теперь у неё.

— Тогда, — медленно сказала она, — можете не пытаться меня убедить. Можете показать.

Что-то в его лице изменилось. Не улыбка — скорее, то, что бывает за секунду до улыбки у человека, который привык её не показывать.

— Именно это я и собирался сделать, — сказал Николас.

* * *

Он поднял ладонь.

Анна смотрела — и не успела предупредить себя, что нужно быть готовой. Воздух над его открытой ладонью изменился прежде, чем она осознала изменение: уплотнился, как над раскалённым асфальтом в июле, и в следующую секунду там был огонь.

Небольшой. Размером с кулак. Живой — Анна почти физически ощутила, как слово «живой» возникло само собой, без разрешения.

Никакой зажигалки. Никакого газа. Никакого запаха горящего материала, который должен был гореть. Только жар — настоящий, ощутимый даже с расстояния в метр — и ровный оранжевый свет, который падал на его лицо снизу и делал тени не там, где они должны быть.

Анна сделала шаг назад. Тело приняло это решение без неё.

Она остановилась — осознала, что отступила — и заставила себя не делать второй шаг. Смотрела на огонь. Потом на его руку. Рука была совершенно спокойной: никакого напряжения в запястье, никакого усилия в пальцах. Огонь стоял над ладонью, как стоит — как должна стоять свеча в под-

свечнике, а не пламя над живой кожей.

Потом снова на огонь.

Мозг начал работу. Это был хороший, надёжный мозг, он не подводил её на переговорах, на сложных текстах, на экзаменах — он начал перебирать объяснения методично, одно за другим.

Проектор. Нет, она стоит под открытым небом.

Фокус. Возможно. Но она не видела никаких механизмов, а огонь давал тепло — иллюзии тепло не дают.

Какой-то химический реагент. Допустим. Но запах — она специально втянула воздух — был запахом ночного леса, хвои и сырой земли, ни малейшей горечи.

Объяснений не было.

Это было неприятно.

Анна сделала шаг вперёд — тот, что назад, плюс ещё один, — остановилась в полуметре от его ладони и протянула руку. Медленно. Как тянутся к чему-то, что не должно быть горячим, но всё равно проверяют.

Николас не пошевелился. Не убрал руку, не предупредил, не прокомментировал. Просто держал огонь — и смотрел на неё так, как смотрят на эксперимент, который идёт по ожидаемой схеме.

Жар ударил в пальцы раньше, чем она успела коснуться. Настоящий — такой, каким он бывает от конфорки или открытого огня на мангале. Анна отдёрнула руку.

Огонь горел.

Она смотрела на свои пальцы. Кончики чуть покраснели — как от слишком горячей чашки. Ничего серьёзного. Просто жар. Просто обычный, физически существующий жар от огня, который не должен был существовать.

Внутри что-то сжалось — не страх, нет. Страх был бы проще. Это было похожее на злость: тупое, неадресное раздражение от того, что реальность позволила себе такое. Что всё, во что она привыкла верить — причинно-следственные связи, физика, химия, здравый смысл как фундамент, — молча отступило в сторону и не предупредило.

Вслух она не сказала ничего.

Николас закрыл ладонь — просто сжал пальцы, как будто погасил спичку — и огня не стало. Не осталось дыма. Не осталось запаха. Только ночь, лес и темнота, которая навалилась сразу и плотно, пока глаза не привыкли обратно.

— Я мог бы объяснять ещё час, — сказал он. — Это быстрее.

Анна посмотрела на него. На его совершенно спокойное лицо, на руку, которая теперь висела вдоль бока как обычная рука.

Она не стала спорить.

Это была первая за вечер вещь, с которой она не нашла что возразить — и именно это ощущалось острее всего: не изумление, не страх, а полная, совершенная невозможность найти слова, которые поставили бы происходящее обратно на место.

— Хорошо, — сказала она наконец.

Голос вышел ровным. Она была этому рада.

* * *

Огонь погас — и темнота навалилась почти физически, как одеяло.

Анна стояла и ждала, пока глаза привыкнут. Где-то в голове шёл методичный, почти автоматический процесс раскладывания по полочкам: *факт один — огонь был настоящим; факт два — источника нет; вывод — магия существует; следствие — принять и двигаться дальше.* Папка «разобраться позже» треснула, но держала. Она заткнула трещину мысленно, крепко, и сосредоточилась на следующем вопросе.

Следующий вопрос был практическим.

— Хорошо, — повторила она, потому что слово не исчерпалось с первого раза. — Допустим, магия. Допустим, другой мир. Как мне вернуться?

Николас стоял в двух шагах — в темноте она видела его хуже, чем ей бы хотелось, и это само по себе было неудобно. Как разговаривать с человеком, которого не видишь.

— Это честный вопрос, — сказал он.

— Это единственный вопрос.

Пауза. Короткая, но она в ней всё равно успела почувствовать что-то неприятное — не предчувствие, а что-то более прозаичное. Так пауза иногда предшествует фразе «к сожалению».

— Механизм перехода между мирами мне неизвестен в деталях, — произнёс он наконец, ровно, как будто это была сводка. — Прецеденты редки. Задокументированных — единицы.

Анна смотрела туда, где было его лицо, и думала: *ладно.*

— То есть ты не знаешь, — сказала она.

— Я знаю, что это возможно. Я знаю, что кто-то другой может знать больше.

— Кто.

Не вопрос — почти требование. Но она следила за тоном, и он вышел скорее как рабочий уточняющий запрос, чем как претензия. Ей было важно это разграничение. Претензии сейчас не помогут.

— Старый колдун, — сказал Николас. — Шестьсот лет, живёт затворником. Знал моего отца. Если кто-то и разбирается в межмировых переходах, то он.

Шестьсот лет.

Анна мысленно положила эту цифру рядом с огнём и решила, что пусть лежит там же, в папке.

— Далеко? — спросила она.

— Сначала нужно добраться до моего дома. Около получаса пешком отсюда через лес. Там можно нормально разговаривать, а не стоять в темноте.

Разумно. Она не спорила с разумным.

— А потом — к колдуну.

— Потом — решать, — поправил он. — Не сегодня.

Анна не стала уточнять, что именно будет «решаться» и кем. Пока — не сегодня, это она принимала. У неё и самой не было сил думать дальше ночи.

Она достала телефон — скорее рефлекторно, чем осознанно, — взглянула на экран. 02:25. Сигнала не было: ни одной полоски, просто иконка, перечёркнутая накрест с каким-то тихим бюрократическим равнодушием. Заряд всё тот же. Фонарь не работает, очень странно. Анна не могла и этого объяснить.

Она убрала телефон.

Лес вокруг стоял плотно и без приглашения. Деревья — тёмные силуэты на более тёмном фоне, ветер чуть шевелил верхушки, где-то далеко и сухо треснула ветка. Анна не боялась леса как такового. Она выросла в городе, но не была из тех, кто пугается любого шороха. Просто ночной лес в чужом мире, в два часа ночи, когда она понятия не имела, что здесь водится, — это была другая категория.

— Безопасно идти ночью? — спросила она. — Здесь, через лес.

Николас ответил без паузы.

— Для тех, кто идёт один — нет.

Она ждала продолжения. Продолжения не последовало. Он просто стоял, явно готовый идти, и смотрел на неё с тем же выражением полной невозмутимости, которое начинало казаться ей архитектурной особенностью его лица.

— А для тех, кто идёт с тобой? — спросила она всё-таки.

— Другое дело.

Это не было успокоением. Это был факт — она услышала разницу сразу, почти физически: не «не бойся», не «всё в порядке», а просто констатация того, что есть. Как разница между давлением и температурой воздуха. Она, к своему собственному удивлению, ему поверила.

Не потому что доверяла. Просто потому что это звучало правдой, а не словами, подобранными под её состояние.

Анна застегнула верхнюю пуговицу куртки, которую до этого момента не замечала расстёгнутой, и сказала:

— Тогда идём.

* * *

Николас шёл чуть впереди, и Анна видела в основном его спину — прямую, без лишних движений, как у человека, который давно перестал думать о том, как он двигается. В левой ладони у него горел небольшой огонь. Не факел, не фонарь — просто огонь, который он держал, как держат ключи или стакан. Привычно и без объяснений.

Анна держалась на полшага позади и старалась не смотреть на пламя слишком пристально. Это был её второй час в чужом мире, и она уже выработала практическое правило: на то, что не укладывалось в категорию, которую она успевала обработать, лучше пока не тратить внимание. Огонь в чужой ладони — это работало. Ветки под ногами — тоже работало. Не поскользнуться.

Лес стоял по обе стороны тропы плотно и безучастно. Не

страшно — просто присутствовал. Пахло сырой землёй, хвоей и чем-то смолистым. Анна сосредоточилась на звуке собственных шагов, потому что шаги Николаса она не слышала почти.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила она в конце концов.

Пауза была такой короткой, что непонятно было, существовала ли она вообще.

— Существо из мира без магии — редкость, — сказал он. — За триста лет я такого не встречал. Мне интересно.

Анна обдумала это несколько шагов.

— И всё?

— Ты похожа на одного человека, которого я знал. — Он говорил без оглядки, ровно. — Она погибла больше двухсот лет назад. Сходство меня занимает. Я хочу понять, случайность это или нет.

Анна ждала продолжения. Его не было. Ни объяснения, ни уточнения, ни попытки смягчить сказанное. Просто факт, брошенный на тропу, как брошенный на стол предмет: вот оно, смотри.

Она поняла, что это честно. Не удобно, не тепло — но честно. Если бы он сказал «просто хочу помочь», она бы не поверила. А так — поверила, хотя не была уверена, что ей нравится быть объектом чужого любопытства.

— Ладно, — сказала она. — Тогда я тоже не буду притворяться, что мне не страшно.

Он не ответил. Но ей показалось, что темп его шагов чуть замедлился — на долю секунды, не больше, — как будто он что-то зафиксировал и двинулся дальше.

Они прошли молча ещё немного. Ветер проходил верхушками деревьев, не спускаясь вниз. Здесь, под кронами, было тихо, только изредка что-то далёкое и неопределённое звучало в темноте — не птица, не ветер, и Анна решила не классифицировать.

— Что случилось до перехода? — спросил Николас.

Она не сразу ответила. Не потому что обиделась на вопрос — он спрашивал так, как спрашивают про показания прибора, — а потому что нужно было выбрать, сколько правды выдать в лес в два часа ночи чужому существу с огнём в ладони.

— Плохой вечер, — сказала она наконец. — Пришла домой, обнаружила кое-что. Ушла.

— Кое-что.

— Человека, которому доверяла. И ещё одного. В той ситуации, в которой их видеть не планировала.

Это прозвучало нейтрально, как сухая сводка. Она была рада, что прозвучало именно так.

— И после этого ты оказалась здесь.

— Не сразу. Ходила, — она чуть пожала плечом. — Куда — сама не понимаю. Потом оказалась здесь.

— Эмоциональный всплеск мог стать катализатором, — сказал он так же, как мог бы сказать «сильный ветер мог опрокинуть вазу». — Межмировые переходы редко бывают

случайными.

— То есть это я сама?

— Неизвестно. Один из факторов. Это нужно выяснить.

Анна снова обдумала это в шаге-двух. Мысль о том, что она сама могла открыть что-то, о существовании чего не подозревала, была неудобной именно потому, что не была явно невозможной. Она убрала её в ту же папку.

Между ними установилось молчание — не из тех, что давят и требуют заполнения, а рабочее, как пауза между двумя задачами. Анна отметила это без особого удивления. Разговаривать с ним было странно, но не тяжело. Он не ждал от неё ничего, кроме информации, и она не ждала от него ничего, кроме того же.

Впереди, чуть правее тропы, что-то шевельнулось в темноте.

Николас остановился. Не резко — просто перестал идти, как останавливается механизм, которому дали команду стоп. Огонь в его ладони не дрогнул.

Он смотрел в темноту между деревьями несколько секунд. Анна тоже смотрела, хотя видела там только слои черноты разной плотности.

Потом он пошёл дальше.

Анна не спросила. Поняла, что не хочет знать прямо сейчас: что бы это ни было — оно осталось в темноте, и этого было достаточно. Её город приучил её к тому, что не каждый звук за стеной нужно проверять, и, видимо, в лесу работало

что-то похожее.

Она сделала шаг за ним, потом ещё один, и тропа под ногами снова стала просто тропой.

* * *

Дерево лежало поперёк тропы — старое, судя по обхвату, упавшее давно, потому что кора успела стать серой и мягкой. Высотой примерно по грудь, обойти — крюк в темноту, в ту самую темноту, где недавно что-то шевелилось.

Николас не притормозил. Он просто прыгнул.

Анна увидела это краем зрения — лёгкое усилие, тело идёт вверх, — а потом что-то случилось с воздухом. Тёмное и огромное распахнулось по обе стороны от него и схлопнулось раньше, чем она успела сфокусировать взгляд. Беззвучно. Без хлопка, без свиста — просто темнота на долю секунды стала больше, и он уже стоял по ту сторону дерева.

Анна остановилась.

Ноги остановились сами, без участия головы. Голова в этот момент занималась тем, что перебирала только что увиденное — медленно, как перебирают карточки в картотеке, которую кто-то перемешал.

Крылья.

Не метафора. Не игра тени. Не рефлекс испуганного человека, которому показалось. Она работала переводчиком и привыкла к точности формулировок, и сейчас единственная точная формулировка была: крылья. Тёмные, огромные, сложившиеся в ту же секунду, в которую раскрылись. Настоя-

щие. Структурные. Не костюм.

Николас обернулся.

Огонь в его ладони горел ровно. Лицо — ничего: ни извинений, ни объяснений, ни того виноватого движения плечами, которое делают люди, когда случайно показали то, чего показывать не планировали. Он просто смотрел на неё и ждал.

Анна посмотрела на дерево.

Потом на него.

Потом снова на дерево — серый ствол в радиусе его огня, мокрая кора, пятно мха на торце. Реальное. Вещественное. Она положила на него руку, и древесина мягко подалась под пальцами, труха под корой. Дерево настоящее. Значит, и остальное настоящее.

Она нашла ногой место, где кора провалилась и обнажилась твёрдая сердцевина, подтянулась, перекинула ногу, съехала с другой стороны. Рюкзак зацепился за сучок, она дёрнула — отцепился. Кроссовки промокли о мох на земле.

Она встала рядом с ним.

Помолчала секунду.

— Кто ты? — сказала она.

Не вопрос. Это было именно то, чем она это произнесла — констатацией. Финальной записью в протокол.

— Дракон, — сказал он. — Если точнее Высший.

Анна кивнула.

Это уточнение упало в голове в ту же папку, к слову «дра-

кон», и папка закрылась. Она не знала пока, что означает «высший» в системе, которой не понимала, — но знала, что это важно, и оставила место для объяснений позже. Позже — это вообще сейчас было её главным инструментом.

Они пошли дальше.

Тропа была прежней. Лес был прежним. Он нёс огонь, она шла за ним, кроссовки чавкали, где почва становилась влажнее.

Анна думала.

За один вечер — за несколько часов, которые начались в её собственной квартире с ключом, который она держала в руке и собиралась повернуть в замке, — она потеряла три вещи. Парня. Подругу. И картину мира.

На парне она не стала задерживаться — больно, злобно, и она уже знала, что это откликнется потом, в три часа ночи, когда некуда будет деться. Но сейчас там стоял замок, и замок держал.

Подруга — больнее, потому что неожиданнее, потому что это был другой сорт предательства. Человек, которому не просто доверяла — с которым жила. Это тоже за замок.

А вот картина мира.

Анна посмотрела в спину идущего перед ней существа — ровная спина, ровный шаг, огонь в ладони, и где-то там, убранные так плотно, что не видно складки, — крылья.

Картина мира её не предавала. Она была у неё с рождения и обновлялась по мере поступления данных, и никогда не

лгала — она просто отображала то, что Анна в неё загружала. И сейчас она трещала не потому что была плохой картиной. А потому что данные перестали в неё помещаться.

Это было, пожалуй, жальче всего.

Парень и подруга — это боль, которая пройдёт, потому что живая боль всегда проходит. А вот прежняя уверенность в том, как устроено всё — она уже не вернётся. Этого нельзя разлюбить обратно.

Впереди Николас слегка изменил направление, огибая что-то, что Анне не было видно. Она повторила его движение автоматически.

Значит, другая картина мира. Новая. В которой существуют другие миры, и существуют в них существа с крыльями, которые прыгают через поваленные деревья, как через ступеньку.

Она не знала ещё, как такая картина выглядит.

Но она умела учиться. Это, по крайней мере, у неё не отнять.

Глава 3

Два часа двадцать пять минут.

Анна посмотрела на телефон — не потому что не знала времени, а потому что телефон был чем-то привычным, твёрдым, прямоугольным. Экран погас сразу, как она убрала палец. Шестьдесят процентов заряда. Она убрала его обратно в карман.

Считала шаги.

Один, два, три, четыре. Кроссовки чавкнули — почва здесь была влажнее, чем несколько минут назад, и подошва была слишком тонкой для этого, для ночного леса вообще, для любого леса. Пять, шесть, семь. Николас шёл впереди — ровно, без спешки, как человек, который делал это тысячу раз и мог делать ещё тысячу. Восемь, девять.

Считать шаги — это работало. Пока голова занята числами, она не занята Николаем. Не занята Эммой. Не занята тем, что произошло в коридоре квартиры, которую она до сих пор не успела снять с аренды на себя одну, а теперь непонятно когда снимет.

Десять. Одиннадцать.

Лес звучал.

Анна поняла это не сразу — сначала просто слышала звуки, не раскладывая их по категориям. Потом мозг, которому нечем было заняться, кроме шагов и этих звуков, начал их

разбирать. Что-то стрекотало высоко и непрерывно — слишком равномерно для кузнечика, слишком живо для механизма. Что-то шелестело справа, почти под ногами, и шелест двигался. Что-то ухало вдали — глубоко, как будто земля прочищала горло.

Ни одного знакомого звука.

Она привыкла к ночи иначе. Ночью всегда был фон — шум шоссе в квартале, чья-то музыка из окна, далёкий лай собаки, иногда сирена. Город не замолкал по-настоящему никогда, просто менял регистр — с дневного на ночной, чуть тише, чуть гуще. Это было нормой, которую она никогда не замечала, пока не перестала её слышать.

Здесь города не было.

Нигде не было города.

Она попыталась нащупать хоть что-то привычное — хотя бы запах выхлопных газов, хотя бы отблеск фонаря между деревьями. Ничего. Только земля, кора, что-то сырое и тёмное, незнакомое.

Двадцать три. Двадцать четыре.

Корень вышел из земли прямо под шагом — она почувствовала его в долю секунды раньше, чем нога пошла в сторону, и не успела ничего сделать, только ухватилась за воздух. Корень был твёрдый, широкий, прятался под слоем прошлогодних листьев, и она всем весом качнулась вперёд, едва не упала.

Николас не обернулся.

Но огонь в его руке — небольшой, устойчивый, оранжево-белый — чуть сместился. Не сильно. Просто его рука ушла чуть в сторону, и свет лёг иначе: не вперёд по тропе, а назад и вниз, туда, где Анна нащупывала ногами путь. Она увидела корень. Увидела следующий. Увидела, как тропа здесь петляет между двумя поднятыми корнями, и прошла между ними уже нормально.

Огонь вернулся на прежнее место.

Ни слова.

Анна выровняла дыхание. Подумала, что это можно было назвать вежливостью, если вежливость может существовать без слов и без взгляда. Или это просто рефлекс — как придержать дверь, не глядя, потому что слышишь за спиной шаги.

Она не знала. И добавила это в папку.

— Далеко ещё? — спросила она.

Голос вышел ровным. Хорошо.

— Минут десять, — сказал Николас.

— Там есть что поесть?

Пауза — не долгая, меньше секунды.

— Найдётся.

Анна кивнула, хотя он не видел. Десять минут — это конкретно. Это можно удержать в голове, это имеет форму. Еда — это тоже конкретно. Она не была уверена, что сможет есть, но тело жило своим расписанием и рано или поздно напомнит. Лучше чтобы было что напомнить.

Двадцать восемь. Двадцать девять.

Она смотрела на его руку с огнём — на пламя, которое не колебалось, когда ветер трогал листья над головой, которое не расходовало ничего, на что она могла бы указать. Не свеча. Не факел. Не зажигалка — у зажигалок кончается газ, они мигают и нагреваются. Это просто горело — ровно, послушно, как будто огонь жил там и ждал, пока его позовут.

Она не верила в магию.

Это было не убеждением в строгом смысле — скорее фундаментом. Частью того, как она знала мир. Причинно-следственные связи, физические законы, и всё необъяснимое — только необъяснённое, только вопрос времени и приборов.

Но огонь был реальным.

Она это знала, потому что когда они вышли из более плотной части леса и ветер качнул кроны, она почувствовала тепло от его руки — не сильное, не обжигающее, просто тепло, которое бывает рядом с огнём. Тепло, которое она знала с детства: свечи на именинном торте, костёр в лагере, конфорка на кухне. Одно и то же ощущение. Физически одно и то же.

И лес был реальным. Она чувствовала его ногами через подошву кроссовок — неровную почву, мягкие участки, жёсткий корень. Запах был реальным. Звуки были реальными.

Папка, которую она мысленно пометила «разобраться позже», трещала по швам.

Она не пыталась её открыть. Она просто шла — двадцать девять, тридцать, тридцать один — и давала трещинам быть трещинами. Потому что картину мира, которая не вмещает данные, нельзя починить прямо на ходу в незнакомом лесу в половине третьего ночи. Её можно только нести дальше, пока не найдётся место, где можно сесть и разложить всё по одному.

Сначала — десять минут. Потом — еда. Потом — место, где можно сесть.

И тогда — папка.

Тридцать два. Тридцать три.

* * *

Тридцать четыре. Тридцать пять.

Лес немного поредел — стволы стояли дальше друг от друга, и между ними начал просачиваться воздух, который пах иначе: влажнее, холоднее, с чем-то травяным. Анна следила за пламенем в руке Николаса — оно по-прежнему не колебалось, не уменьшалось, не требовало ничего.

— Когда мы доберёмся, — сказал Николас, не оборачиваясь, — я объявлю тебя под своим покровительством. Это упростит ситуацию.

Он произнёс это так же, как произносят «я поставлю чайник» или «завтра дождь». Факт, который уже случился, просто не получил ещё физического воплощения.

Анна дала фразе улечься.

— Что это значит? — спросила она. — На практике.

— Что никто не тронет тебя без последствий для себя.

Коротко. Точно. Без лишних слов — как инструкция к оборудованию, в которой написано «не включать» без объяснения, что именно взорвётся.

Анна выдержала паузу.

— А без покровительства — тронут?

Николас не остановился. Шаг, ещё шаг — ветка под ногой не хрустнула, он двигался так, словно лес знал его и уступал. Но перед ответом прошло чуть больше времени, чем обычно. Не долго. Секунды полторы, может, две.

Этого было достаточно.

Анна мысленно поставила галочку: вопрос не глупый.

— В Эйдаре существует иерархия, — сказал он наконец. — Драконы — на вершине. Существо без покровителя, без статуса, без принадлежности к расе, которую здесь знают — это существо без положения. Никто.

— Никто, — повторила она.

— Никто.

Лес снова стал плотнее — на секунду, потом опять разошёлся. Анна смотрела под ноги: корень, мягкий участок почвы, сухая хвоя. Подошва кроссовок не была рассчитана на такую поверхность — она это чувствовала, потому что каждый неровный камень отзывался чуть острее, чем следовало бы.

Существо без положения.

Она прокрутила это. Не как угрозу — Николас не угро-

жал, в его голосе не было ни давления, ни предупреждения. Просто топография незнакомой местности: вот обрыв, вот болото, вот безопасная дорога. Информация.

Но информация была неприятная.

— И много здесь таких — кто мог бы «тронуть»? — спросила она. В голосе вышло чуть суше, чем планировалось. — Или это гипотетически?

Николас чуть повернул голову — не назад, просто слегка, как будто слушал что-то справа. Потом снова вперёд.

— Достаточно, — сказал он.

Исчерпывающий ответ.

Анна подумала о том, что правильнее всего было бы сейчас возмутиться — сказать что-нибудь о том, что она не чья-то собственность и не нуждается в чьём-то покровительстве, что она взрослый человек с высшим образованием и загранпаспортом. Подумала — и не сказала.

Потому что загранпаспорт был в ящике тумбочки в квартире, которую она снимала с Эммой, в городе, которого здесь не существовало. И образование не добавляло ей никакого статуса в месте, где слово «дракон» было не метафорой. И возмущение, в общем-то, ничего не меняло в том, что Николас уже описал как факт.

Тридцать шесть. Тридцать семь.

Она шла и думала: выбор у неё, строго говоря, был. Она могла отказаться. Могла сказать: нет, без меня, я разберусь сама. Это было бы решением — просто очень плохим, пото-

му что разбираться пришлось бы ночью, в незнакомом лесу, в мире, правил которого она не знала, с нулевым статусом и кошельком, в котором лежало пятьсот рублей наличными, не имевших здесь никакой ценности.

Не то чтобы выбор.

— Хорошо, — сказала она.

Николас не ответил. Она не ждала.

— Я правильно понимаю, что это политический жест? — добавила она после паузы. — Не просто вежливость.

Это была проверка — не грубая, просто хотелось знать, насколько он ждёт, что она не понимает происходящего.

— Да, — сказал он. — Правильно.

Что-то в этой лаконичности было почти уважительным. Не снисходительным «объясняю тебе как ребёнку», не настороженным «зачем тебе знать» — просто «да». Она задала точный вопрос, он дал точный ответ.

Анна добавила это в общую картину. Покровительство — политический жест. Политический жест означает, что её присутствие здесь уже имеет вес, даже если она сама его не чувствует. Что кто-то в этом мире, вероятно, это заметит. Что Николас это знает и делает сознательно.

Интересно, чего это стоит ему.

Она не спросила. Не сейчас. Папка «разобраться позже» была и так переполнена, а ноги начинали напоминать, что уже середина ночи и последний раз она ела в шесть вечера, стоя над раковиной с бутербродом, потому что опаздывала

на встречу с Николаем.

Тридцать восемь. Тридцать девять.

Пламя в руке Николаса не изменилось. Горело ровно, послушно, без усилия. Она смотрела на него и думала: вот так и выглядит власть, вероятно. Не громко. Не демонстративно. Просто — то, что другие не могут, ты делаешь между делом, не оглядываясь.

Сорок.

— Спасибо, — сказала она. Слово вышло без интонации — ни тёплым, ни холодным. Просто словом.

Николас кивнул. Едва заметно.

Они шли дальше.

* * *

Дом появился раньше, чем она ожидала.

Не потому что был близко — просто вынырнул из деревьев без предупреждения: не замок и не коттедж, а что-то, у чего не было точного слова в её словаре. Двухэтажный, если считать по окнам, но с высотой потолков, которая на фасаде читалась иначе. Светлый камень, тёмное дерево, несколько крытых переходов, которые вели куда-то вбок. Фонари у входа горели без огня — ровный холодный свет, без мерцания, без видимого источника питания.

Анна остановилась на секунду.

Не из восторга — просто мозг потребовал паузу, чтобы сверить картинку с имеющимися категориями. Категорий не нашлось. Архитектура была одновременно старше и но-

вее всего, что она видела: что-то в пропорциях напоминало особняки начала двадцатого века, но линии были чище, без орнаментов, без украшений ради украшений. Несколько больших окон отражали ночное небо. Одно — второй этаж, крайнее справа — светилось изнутри.

Кто-то не спал.

Она пошла дальше, потому что Николас не остановился.

Дверь открылась прежде, чем они успели подняться на крыльцо.

Мужчина в проёме был примерно одного роста с Николасом — чуть ниже, пожалуй, но с той же основательностью в посадке, как будто гравитация работала для него иначе, чем для обычных людей. Светлые волосы, короче, чем у Николаса. Лицо без выражения, которое при этом не было непроницаемым — скорее нейтральным, как циферблат между делениями. Он посмотрел на Анну без удивления. Не с показным безразличием, не с усилием скрыть реакцию — просто без удивления, как смотрят на что-то, что уже занесено в список ожидаемого.

Это само по себе было информацией.

— Эрик, — сказал Николас. Не приветствие — констатация.

— Вернулся раньше, чем я рассчитывал, — ответил Эрик. Голос ровный, без претензии. — Совет уже интересовался.

— Когда?

— Час назад. Я сказал, что ты занят.

Пауза — короткая, меньше секунды.

— Хорошо, — сказал Николас.

Анна стояла в двух шагах сзади и слушала. Совет. Час назад. Она не знала, что это был за совет и чем именно интересовался, но интонация Эрика говорила кое-что сама по себе: он не докладывал — он информировал. Разница небольшая, но она её слышала. Это был человек, которому не нужно объяснять контекст.

— Сроки изменились? — спросил Николас.

— Не официально. — Эрик сделал небольшое движение плечом — не пожатие, скорее маркер неопределённости. — Но давление есть.

Больше они при ней не говорили. Или это была вся информация, которую нужно было передать — быстро, точно, достаточно. Анна подумала, что у них, вероятно, есть свои форматы разговора: что говорится вслух, что остаётся в паузах.

Она встретила взгляд Эрика.

Он смотрел на неё ровно — без враждебности, без тепла, с каким-то тихим аналитическим вниманием. Так смотрят не на человека, которого боятся или которому рады, а на переменную, которую нужно учесть. Она ещё не знала, какое место ей отведено в его уравнении, но он явно уже начал считать.

Анна не отвела взгляд.

— Эрик, — сказал Николас, — это Анна. — Пауза, ко-

роткая и намеренная. — Ей можно доверять.

Она едва не переспросила — «доверять» в каком смысле, в каком объёме, при каких условиях — но поймала себя и промолчала. Потому что «доверять» в устах человека, который до этого говорил исключительно в терминах фактов и политических жестов, прозвучало неожиданно. Не тепло — это было бы чужим словом для Николаса. Но определённо. Без оговорок.

Это был первый раз, когда она слышала от него это слово.

Эрик посмотрел на неё ещё секунду — будто проверял что-то внутреннее, сверял с каким-то критерием, который она не могла видеть, — и кивнул. Один раз, коротко.

— Хорошо, — сказал он.

Не «понял», не «как скажешь» — «хорошо». Как будто принял к сведению и согласился с классификацией.

Анна не была уверена, что её это устраивает — быть принятой к сведению. Но, с другой стороны, враждебности тоже не было, а это уже что-то.

— Устала? — спросил Эрик. Обращался к ней — прямо, без предисловий.

Она подумала честно.

— Да, — сказала она. — И не ела с шести вечера.

Что-то в лице Эрика сдвинулось — не улыбка, но что-то смежное с ней. Он посторонился, освобождая проход.

— Тогда зайдите, — сказал он.

Анна переступила порог.

Внутри было тепло. Не жарко — именно тепло, ровное, без сквозняка, без запаха дыма, хотя где-то в глубине дома что-то слабо потрескивало. Свет в прихожей был такой же, как снаружи: холодный, без источника, просто — свет. Она посмотрела вверх. Ничего. Ни лампочки, ни светильника. Просто светлый потолок.

Она добавила это в список вещей, к которым придётся привыкать.

Список рос быстро.

* * *

Комната оказалась в конце коридора — третья дверь слева.

Эрик шёл впереди, не оборачиваясь, и Анна успевала смотреть по сторонам, пока успевала. Стены — светлые, почти белые, с каким-то чуть золотистым отливом, как у бумаги, которая долго лежала на свету. Никаких светильников. Совсем. Ни настенных, ни потолочных, ни даже декоративных. Просто — свет, мягкий, ровный, без теней по углам, без направления. Как будто сам воздух слабо светился изнутри.

Анна посмотрела вниз. Пол из тёмного дерева, широкие доски без зазора, отполированные. По краю плинтуса — что-то влажное, блестящее. Она остановилась на секунду и пригляделась. Узкий желобок, а в нём вода — текла вдоль плинтуса в сторону кухни, тихая и чистая, как будто так и надо.

Она не стала спрашивать. Добавила в список.

Запах в коридоре был незнакомым. Не неприятным —

просто другим. Что-то смолистое и одновременно холодное, как лес после дождя, но суше. Она не могла назвать его ни одним известным словом и поэтому просто зафиксировала: есть такой запах. Существует.

Эрик остановился у третьей двери и открыл её — не ключом, просто повернул ручку. Внутри была та же ровная светлость, что и в коридоре, но Анна сразу увидела: здесь темнее, чем должно быть. Будто свет в комнате выставлен на минимум.

— Вам сюда, — сказал Эрик и сделал шаг назад, давая ей войти.

Анна вошла.

Комната была небольшой — не тесной, но без лишнего пространства. Кровать у стены, застеленная чем-то тёмно-серым, плотным. Стол, кресло, узкий шкаф. Одно окно с деревянными ставнями, закрытыми наполовину. Темноты за ними было достаточно, чтобы напомнить: сейчас глубокая ночь.

Анна оглянулась, ища выключатель.

Его не было. Ни у двери, ни рядом с кроватью. Голая светлая стена с обеих сторон. Она провела ладонью по штукатурке — ничего, никакого намёка на кнопку, рычажок, панель.

— Здесь нет выключателя, — сказала она. Не вопрос — констатация, вслух, чтобы убедиться в собственной наблюдательности.

Эрик посмотрел на неё без выражения.

Потом поднял руку — коротко, почти небрежно, как делают движение, которое повторяли тысячи раз. Свет в комнате мягко прибавился. Не вспышкой, не щелчком — просто стало светлее, плавно, как если бы облако сошло с солнца. Только солнца не было. И облаков тоже.

Анна смотрела на него.

— Как это работает? — спросила она.

Эрик помолчал секунду. Не потому что не знал ответа — скорее потому, что вопрос застал его врасплох своей формой. Он смотрел на неё так, как смотрят на человека, спросившего что-то совершенно неожиданное — не глупое, но неожиданное. Как если бы она спросила, почему вещи падают вниз, а не вверх.

— Работает, — сказал он наконец. Без иронии. Просто — факт.

Анна решила, что для сейчас этого достаточно.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо.

Эрик кивнул. Уже в дверях задержался на мгновение.

— Если что-то нужно — моя комната через одну. — Коротко. — Стучите.

— Угу.

Дверь закрылась.

Анна постояла посреди комнаты, глядя в никуда. Потом медленно подошла к кровати и села на край. Покрывало оказалось плотным, чуть шершавым — материал незнакомый, не хлопок и не шерсть, что-то среднее. Она провела по нему

рукой.

Достала телефон.

Сорок семь процентов. Время — 03:05

Она смотрела на цифры. Экран светился синеватым холодным светом, и этот свет был знакомым — единственным полностью знакомым в комнате, привычным до такой степени, что на секунду сжало что-то в горле.

Она убрала телефон обратно.

За окном не было ничего, кроме темноты. Ни огней города, ни уличного фонаря, ни проезжающих машин. Просто деревья и ночь. Она почти слышала тишину — не пустую, а живую, наполненную каким-то далёким шорохом леса, который она не умела читать.

Анна откинулась назад и уставилась в потолок.

Огонь из воздуха. Она видела это собственными глазами — он держал его в ладони, и огонь был настоящим, горячим, она чувствовала тепло с расстояния полуметра.

Крылья. Тёмные, большие, убравшиеся куда-то так, что не оставили следа. Не трюк, не костюм. Она видела, как они сложились.

Свет без источника. Вода без труб. Эрик, управляющий освещением одним движением руки — небрежным, как поворот крана. Не фокус. Не устройство, которое она просто не разглядела. Просто — работает.

Папка «разобраться позже» официально переполнена.

Анна этого не сказала вслух — некому было говорить —

но мысль прошла чётко, без паники: всё, лимит исчерпан. Всё, что она складывала туда с момента, как оказалась на незнакомой поляне под незнакомым небом, больше не помещалось. Придётся начать разбирать.

Не сейчас. Сейчас — ночь, она не ела с шести вечера и не спала больше двадцати часов, если считать с того момента, как обнаружила в своей квартире Николая и Эмму. Она не стала додумывать. Мысль срезалась раньше, чем успела развернуться.

Факты. Лучше факты.

Факт первый: она в другом мире. Это не галлюцинация, потому что галлюцинации не пахнут смолой и не оставляют мозолей на пятке от двух километров по лесу в кроссовках на тонкой подошве.

Факт второй: магия существует. Не как слово из книг, а как физическая реальность — с теплом, со светом, с ощущением в руках, когда держишь что-то, что не должно существовать, и оно тёплое.

Факт третий: у неё есть сорок семь процентов заряда, кровля над головой и существо, которое пообещало помочь вернуться домой из интеллектуального любопытства. Это, строго говоря, не гарантия. Но это больше, чем ничего.

Она ещё раз посмотрела на потолок — ровный, светлый, без лампочки.

Потом закрыла глаза.

Список того, к чему придётся привыкать, рос быстро. Но

по крайней мере это был её список, в её голове, и пока он там — она ещё понимала, что происходит.

Пока это работало.

* * *

Она успела закрыть глаза, но так и не успела уснуть.

Дверь открылась без стука.

Анна приподнялась на локте раньше, чем успела подумать — рефлекс из прежней жизни, где открытая без стука дверь обычно означала что-то срочное или неприятное. Николас вошёл так, словно не было никакой двери — просто переступил порог, и всё. Не враждебно. Не извиняясь. Просто — вошёл, как входят в комнату, которую считают частью своего дома.

Что, собственно, так и было.

Анна убрала руку от края подушки и села. Чего-то подобного она ждала — не конкретно этого, но какого-то продолжения, какого-то разговора, который ещё не состоялся. Разговоры такого рода не заканчиваются просто «спать».

— У меня для тебя несколько условий, — сказал Николас.

Он остановился у окна — не у кровати, не на пороге, а именно у окна, спиной к темноте снаружи. Анна подумала, что он делает это машинально: видеть всё помещение целиком, держать пространство под контролем.

— Слушаю, — сказала она.

— Ты остаёшься при мне до тех пор, пока вопрос с возвращением не будет решён. Не покидаешь территорию без

сопровождения. — Он говорил ровно, без интонации приказа — скорее как перечитывают условия договора, которые уже внесены в текст. — И не сообщаешь посторонним, откуда ты.

Анна помолчала.

— Почему последнее?

— Потому что это создаст проблемы, — сказал Николас. — Которые будет сложнее решить, чем ты предполагаешь.

Она не стала спрашивать, какие именно. Это прозвучало бы как просьба о лекции, а лекцию она сейчас не переварила бы. Вместо этого она задала вопрос, который зрел с того момента, как он закончил фразу про «остаёшься при нём».

— Это защита или плен?

Николас посмотрел на неё. Не с удивлением — скорее с тем выражением, которое бывает, когда кто-то задаёт вопрос точнее, чем от него ожидали.

— Разница зависит от твоего поведения, — сказал он.

Анна ждала продолжения. Продолжения не последовало.

— Это честно, — сказала она наконец. — В смысле, честнее, чем «только защита, обещаю». Но не очень успокаивает.

— Я не пытался тебя успокоить.

— Да, я заметила.

Она сдвинулась немного, опёрлась спиной о стену — так, чтобы видеть его целиком, а не снизу вверх. Это не помогло особенно: он всё равно занимал пространство у окна так, словно окно было специально там поставлено.

— Хорошо, — сказала она. — Следующий вопрос. Что ты с этого получаешь?

— Я уже говорил.

— Интеллектуальный интерес. — Она произнесла это без интонации, просто повторила. — К существу из мира без магии.

— Да.

Анна смотрела на него. Он смотрел на неё — спокойно, без попытки добавить что-то, объяснить, убедить. Это само по себе было любопытно: большинство людей, когда их ловят на неполном ответе, начинают говорить больше. Он говорил ровно столько, сколько считал нужным.

Она ему не верила. Точнее, не верила, что это всё. Интеллектуальный интерес объяснял вопросы в лесу, объяснял разговор про мир без магии, объяснял, может быть, первые несколько часов. Но комната с мебелью из тёмного дерева, свет, который включился сам, ключ от двери, которого не было, — всё это не выглядело как минимально необходимое для удовлетворения любопытства.

Впрочем, у неё не было более хорошей версии. А принимать ответ и верить ответу — это не одно и то же.

— Ладно, — сказала она. — Принято.

Николас коротко кивнул, как будто это было именно то, чего он ожидал. Не «хорошо» и не «отлично» — просто факт зафиксирован, можно двигаться дальше.

Он уже развернулся к двери.

— Николас.

Он обернулся — не полностью, вполоборота. Ждал.

— Ты входишь без стука, — сказала Анна. — Это у вас так принято?

Пауза была короткой — может быть, ничего не значащей, может быть, нет.

— Да, — сказал он.

— Понятно, — сказала она. — Просто уточнила.

Он вышел. Дверь закрылась — тихо, без щелчка. Так же, как открылась.

Анна ещё некоторое время смотрела туда, где он стоял. Потом перевела взгляд на свои руки, лежавшие на коленях.

Не покидай территорию без сопровождения. Не раскрывай происхождение. Оставайся при нём.

Три пункта. Коротко, без лишних слов. Очень похоже на договор — из тех, что подписывают не потому что согласны с каждым пунктом, а потому что альтернатива хуже. Из тех, где мелкий шрифт не читают вслух, а узнают потом — когда уже подписали.

Она не знала, что там было в мелком шрифте. Не знала, что именно значит «покровительство» в системе координат, где драконы возглавляют советы, а свет включается движением руки. Не знала, насколько «остаться при нём» — это метафора, а насколько буквально.

Но она знала кое-что другое: у неё не было сорок семь процентов заряда, кровли над головой и пути домой. У неё

было сорок семь процентов заряда, кровля над головой и единственное существо в этом мире, которое знало, где искать путь домой.

Это не то же самое, что выбор. Но это то, с чем можно работать.

Анна легла обратно и уставилась в потолок без лампочки — ровный, светлый, спокойный, как будто ничего не произошло.

* * *

Анна не спала.

Это не было неожиданностью. Она и не рассчитывала спать — слишком много движущихся частей, слишком непривычный потолок над головой, слишком странный свет, который погас сам по себе, когда она легла, и который она не просила гасить. Она просто лежала в темноте и раскладывала факты по стопочкам, как карточки на столе.

Итак.

Николас — не человек. Это не теория и не метафора. Она видела крылья. Видела огонь на ладони — без зажигалки, без спичек, без любого источника, который она могла бы объяснить. Крылья он убрал, огонь погасил, но ни то ни другое не перестало от этого существовать. Факт.

Он назвал себя Главой Драконьего совета. Эрик — когда Николас произнёс условия покровительства — чуть подтянулся. Не военная стойка, не театральная реакция, а именно то, что делает человек, когда слышит что-то весомое: неза-

метное изменение осанки, секунда лишнего внимания. Анна умела замечать такие вещи — три года в корпоративных переговорах не прошли даром. Значит, покровительство — не просто слово вежливости. Оно что-то значит в системе координат этого мира. Факт.

Магия работает. Свет без источника, огонь без огнива, дверь без скрипа — слишком много совпадений, чтобы списывать на технологию. Да и незачем: если этот мир существует отдельно от её мира — у него могут быть другие законы физики. Или те же законы, но с расширенным набором допущений. Она не знала, как именно работает магия, и, по правде говоря, это не было первостепенным вопросом. Первостепенный вопрос — как вернуться домой. Факт: для этого нужен старый колдун, которого ещё предстоит найти.

Анна перевернулась на бок.

За окном было тихо. Не городская тишина — та всегда с фоном, с далёким гулом трафика, с чьим-то телевизором через стену. Здесь тишина была другой: плотной, как вата, с редкими звуками, которые она не умела опознать. Что-то щёлкнуло в кронах. Что-то коротко отозвалось и замолчало.

Она подумала о Николае. О том, как стояла в дверях своей собственной квартиры и смотрела на двух человек, которых хорошо знала, — и вдруг перестала их узнавать. Не от шока. Шок пришёл потом, по дороге, когда она уже шла куда-то без конкретной цели. В тот момент — только холодная, почти спокойная ясность: ах, вот как оно устроено на самом деле.

Она не чувствовала сейчас боли. Может быть, боль была где-то ниже, под слоем оцепенения, и появится потом — через неделю, через месяц, в какой-нибудь совершенно случайный момент. Но прямо сейчас было только это холодное «ах». И вместе с ним — кое-что полезное: она уже знала, что умеет жить с тем, что люди не те, кем кажутся. Не первый раз. Справится.

Это был, пожалуй, единственный ресурс, который у неё точно был.

Анна снова перевернулась — на спину — и уставилась в потолок.

Правило простое. Не доверять, но наблюдать. Николас помогает ей из интереса — он сам сказал, без утайки чего-либо, и она оценила прямоту именно потому, что ей не пришлось гадать. Пока она остаётся для него интересной задачей — существом из мира без магии, аномалией, которую он не может классифицировать, — она нужна ему живой и в порядке. Это не дружба. Это не доброта. Это совпадение интересов, а совпадение интересов — вполне рабочая основа для временного союза.

Главное — не забывать, что оно временное.

Она потянулась к тумбочке, нашла телефон на ощупь. Экран вспыхнул — 03:41. Заряд сорок один процент. Она поморщилась: быстро садится, нагрузка или просто ночь. Розетки в комнате она не искала и, честно говоря, не была уверена, что они здесь есть и что напряжение в них совпадает

с её зарядником.

Она открыла камеру и медленно обвела комнату — просто посмотреть, как оно выглядит в объективе.

Странно.

Свет, который она видела глазом — ровный, тихий, как будто рассеянный из самого воздуха, — на экране выглядел иначе. Более резкий. С тенями, которых она не замечала раньше, и с каким-то лёгким смещением в правом углу, где тени ложились под углом, не соответствующим никакому источнику. Она навела снова, взяла фото. Посмотрела на снимок.

На снимке угол был тёмным. Просто тёмным, без оттенка.

Она навела камеру ещё раз и долго смотрела на экран: на нём угол выглядел нормально, ровно, без примечательностей. Убрала камеру — снова то самое лёгкое смещение в тени.

Значит, не фотографируется. Или фотографируется не так.

Анна опустила телефон на грудь и некоторое время смотрела в потолок. Потолок смотрел в ответ — ровный, светлый, невозмутимый.

В принципе, это тоже был факт. Просто факт, который она не умела пока правильно сформулировать.

Она положила телефон обратно на тумбочку. Закрыла глаза.

Утром. Разберёшься утром. Есть список вопросов, есть

один человек — существо — которое знает ответы хотя бы на часть из них. Это уже что-то. Это больше, чем ничего.

Она почти поверила, что засыпает, когда за стеной стало слышно голоса. Тихие — не скандал, не спор, деловой разговор в полголоса. Слов она почти не разбирала: стена была толстой, дом незнакомым, акустика непривычной. Но два слова она уловила чётко, потому что они прозвучали в ритме, который она знала — ритме коротких инструкций, когда один человек говорит, а другой слушает.

Совет.

И потом, через несколько секунд:

Завтра.

Потом тишина.

Анна лежала с закрытыми глазами и не двигалась. Голоса не вернулись.

Она не знала, что это значило. Может быть, ничего: завтра и совет — слова распространённые, в разговоре между двумя людьми они могут значить что угодно. Может быть, что-то: если Николас проводил инструктаж посреди ночи — значит, завтра было не просто следующим днём.

Утром, — напомнила она себе. — *Разберёшься утром.*

Это был не ответ. Это была пауза — первая настоящая пауза за всю ночь. И, как ни странно, этого было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.